ИДЕИ ЭТИКИ КАТЕГОРИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА В РОССИЙСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА*

Н.А. Куценко

Философия морали в своем развитии в рамках немецкой классической философии называлась не только "практической философией", она получила и оригинальное наименование "этика категорического императива", разработка которой присутствует прежде всего в философских системах Канта и Фихте. Поэтому для нашего обзора имеет смысл разделить практическую философию, систематизирующую этику, и методологическую философию, систематизирующую гносеологию. Данное разделение не затрагивает собственно диалектику мыслительного процесса, отраженную в немецкой классической философии (НКФ), а подчеркивает приоритет этического интереса над гносеологическим, поскольку философские системы Канта и Фихте направлены прежде всего на обоснование свободы человеческого выбора как в области осмысления такового, так и в области конкретного действия-поступка.

Внимание к этическим системам Канта и Фихте в Российской империи и, в частности, на Украине, накопившей к началу XIX в. полуторавековой опыт профессионального преподавания философии в Киево-Могилянской академии, было весьма велико. Тезис о незначительном влиянии учения Канта и Фихте на отечественную философскую мысль по сравнению с учением Гегеля и Шеллинга, некогда бытовавший в советской философской литературе, кажется нам не совсем верным и, по всей видимости, он уже себя изжил[1]. Тем более не следует говорить про неприятие их идеализма[2]. Мы считаем своей задачей подтвердить высокую восприимчивость отечественной философской культуры к достижениям НКФ, особенно ее этического среза и считаем, что в обозначенный период важнейшие идеи этики категорического императива легли на благодатную почву профессиональной отечественной философской аудитории, как в университетской, так и в духовно-академической среде, открыв широкие перспективы для размышлений и выстраивания своих оригинальных умозаключений и даже идейных направлений. Собранный материал основан на работе с документами и архивными материалами, редкими коллекционными изданиям середины XIX в., с рукописным наследием преподавателей духовных академий, содержащий богатейшую научную информацию по данному вопросу, и заметим,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант 03-03-00140а.

что только сегодня оно (это наследие) начинает привлекать к себе заинтересованных исследователей. В качестве примера этого в приложении приведены обширные выдержки из весьма показательного сочинения студента Киевской духовной академии (КДА) Серафима Серафимова, относящегося к 30-м годам XIX в., впоследствии его автор стал профессором этой академии, а позже – известным российским архиереем.

Начало знакомства с НКФ в России, в частности на ее южных и юго-западных землях, связано с восприятием этики и гносеологии Канта, которые отечественный читатель воспринял как полный контраст по сравнению с французской философией, поскольку они заменили абстрактный эмпиризм строгой метафизикой. Кроме научных предпосылок "переориентации" на немецкую философскую мысль была и политическая – усиление в Российской империи реакции после французской революции и прихода к власти Наполеона. Но главной причиной была "интернациональная" философская позиция Канта и Фихте, которые стали прямыми продолжателями гуманистических идей французских просветителей, поскольку дали новое теоретическое развитие идее свободы, ставшее интеллектуальным достоянием всего человечества на все времена.

Во французском материализме свобода провозглашалась, поэтому свободная самодеятельность человека рассматривалась не в процессе доказательства и обоснования этой свободы, а как следствие результатов воспитания, влияния среды, чувств и так далее. Для перехода от метафизической к диалектической теории свободы и был так необходим скептицизм Канта. Здесь особо явно просматривается уникальность его значения: каждый, кто размышлял о морали после Канта, в том числе и в духовно-академической среде, должен был выразить свое отношение к соответствующим вопросам, поставленным критической философией, и ответам на них. К тому же содержание Кантовой философии не следует соединять с ее влиянием, как не следует соединять последствия ее восприятия с изучением ее распространения. Для того чтобы провести более или менее глубокий анализ критики православными богословами, занимающимися философской проблематикой, "Критик" Канта и философского наследия других представителей НКФ, необходимо углубится в самую суть противостояния, а именно – в богословско-догматические баталии ортодоксов с протестантами, но данная тема относится, скорее, к области церковной истории, хотя не чужда и истории философии. Заметим, что сам Иммануил Кант волею судьбы оказался вовлечен в этот "бессмертный" спор, не имеющий победителей, поскольку жизнь его от первых до последних дней прошла в Кёнигсберге, ныне Калининграде, и тем самым история сама оставила нам, россиянам, его прах, как бы символизируя нашу ответственность и преемственность с величайшим наследием философствующей немецкой нации.

Про Канта в России знали задолго до появления его трудов на русском языке. Так в "Биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского университета", вышедшем в Москве в 1855 г., говорится о профессоре Людвиге Мельмане, который "увлекаясь новой философией (философией Канта. – *Н.К.*), очень свободно и неосторожно высказывал односторонние и ложные свои мысли касательно предметов религиозных, за что в соответствии с указом Университетского начальства в январе 1795 г. был уволен и вынужден покинуть нашу страну"[3]. Учитывая, что на лекциях Мельмана, читаемых на немецком, присутствовало большое количество студентов и публики, напрашивается вывод о возможности знакомства российской интеллигенции с сочинениями Канта на языке оригинала уже с конца XVIII в., а также и с критической литературой о Канте на немецком языке. Напомним, что "Письмо российского путешественника" Н.М. Карамзина, помещенное в 1791 г. в "Московском журнале", рассказывает и о визите к знаменитому философу Канту. В "Протоколах заседаний конференции императорской Академии наук с 1725 по 1903 год" содержится информация, что в 1794 г. рассматривалось дело об избрании Канта членом Петербуржской академии наук[4]. Лекции немецкого профессора Шадена по этике, читаемые в Московском университете в 1795–1797 гг., также основывались на началах критической философии. И все же потребовались десятилетия прежде, чем "журнальная эпопея" Канта, начавшаяся в 1802 г., привела к полному изданию его "Критик". В литературе встречается несколько точек зрения на появление "русскоязычного" Канта. Э. Радлов в "Очерке развития русской философии" упоминает, что впервые имя Канта услыхали в выступлениях профессора Харьковского университета Осиповского, а сочинения немецкого философа были переведены намного позднее. Так, "Критика чистого разума" переведена Владиславлевым в 1870-х годах[5]. В статье В. Чуйко "Русская философия" также говорится, что первым "нападал" на Канта Осиповский[6]. В литературе, по мнению Радлова, первым начал писать о Канте профессор Казанского университета А.С. Лубкин. Ему принадлежат "Письма о критической философии", помещенные в журнале "Северный вестник" за 1805 г.[7]

Мы специально упомянули мнения известных исследователей истории русской философии, поскольку они не совсем верны. Основываясь на их данных, а также на информации в трудах В. Зеньковского, Г. Шпета, архимандрита Гавриила, А. Галича, З. Каменского и других источниках целесообразно предложить один из вариантов появления "русского" Канта.

Журнал "Вестник Европы" (1802. № 6) публикует статью "Кантовская философия во Франции", автором которой скорее всего был Н.М. Карамзин; в статье рассматривается критика кантовского идеализма. В 1803 г. на Украине, в Николаеве издан первый русский

перевод Канта, который в современной литературе назван "Кантовская основа для метафизики морали", преподавателя штурманского училища Якова Рубана. В фонде старопечатных изданий Национальной библиотеки Украины (НБУ), поступивших из Киевской духовной академии, в разделе "Сочинения философов" числится экземпляр, зарегистрированный под номером 7420 и носящий несколько иное название: "Кантово основание для метафизики нравов" (Переведено Яковом Рубаном. Николаев, 1803). Ясно, что речь идет об одном и том же произведении. В том же году первое критическое изложение Канта на русском присутствовало в книге К. Шпренгеля в переводе В. Джунковского "Критическое состояние врачебной науки в последнее десятилетие". В 1805 г. А.С. Лубкин публикует в "Северном вестнике" (№ 8, 9) свои "Письма про критическую философию", где рассматривает гносеологические взгляды Канта. Его же критика этического учения Канта дана в работе "Очерк логики", вышедшей в Санкт-Петербурге в 1807 г. В 1804 г. "Санкт-Петербургский журнал" (№ 10) помещает статью К. Виллерса "Иммануил Кант – великий философ и человек". В 1807 г. выходит "Кантовская философия" в переводе с французского А. Петрова. Журнал "Вестник Европы" в 1808 г. (№ 24) публикует "Письмо к Канту от неизвестного" и "Ответ Канта". В журнале "Улей" за 1812 г. (№ 14, 15, 16) помещен "Очерк эстетики, взятый из кантовской критики эстетического суждения". Двумя годами позднее, в 1814 г., выходит книга "Иммануила Канта наблюдение об ощущении прекрасного и величественного". Наряду с этими сочинениями Канта присутствует и критическая переводная литература. Например, журнал "Мнемозин" публикует статью "Элейская метафизическая школа Одоевского и Кант" из записок госпожи М.Ж. Сталь. Ее же "О знатнейших философах, бывших до и после Канта" публикуется в "Соревнователе просвещения и благотворительности" в (1824. № 9). В большинстве работ присутствует библиография о Канте и его критиках, особенно здесь выделяется "История философских систем" А. Галича, изданная в Санкт-Петербурге в 1818–1819 гг.

Перечисление кантоведческой литературы начала XIX в. свидетельствует о постоянном интересе к философии Канта, а также о различных ее оценках. С усилением влияния немецкой классической философии на культурную жизнь России возрастает интерес к этическому учению Канта. Практическая философия с самого начала оказалась более популярной, чем критическая, поскольку была лишена "тяжелой" гносеологии. Еще раз отметим, что первое произведение Канта на русском было издано на Украине и представляло именно этические воззрения философа. По-настоящему серьезное изучение этики Канта наблюдается после знакомства научной публики с этической системой Фихте, поэтому, рассматривая отношение к этике категорического императива в философских кругах, мы не считаем необходимым особо резко разграничивать этические

учения этих немецких философов, а будем отталкиваться от известной преемственности их этических доктрин. Чтобы быть более конкретными, остановимся на юго-западном и южном регионе – Новороссии и Малороссии. Философские круги указанного периода в данном регионе мы определяем как профессиональные, т.е. имеем в поле зрения деятельность поколения преподавателей философии в высших светских и духовных заведениях: университетах, высшей гимназии, духовной академии, лицеях, которые функционировали в Киеве, Харькове, Нежине, Одессе.

В первой четверти XIX столетия на Украине появляется сеть вновь открытых учебных заведений, в которых философия является обязательным предметом для преподавания. В 1805 г. открывается первый на Украине Харьковский университет (по Уставу 1804 г.), в 1816 г. – лицей в Одессе, в 1820 г. – гимназия высших наук в Нежине, в 1819 г. в Киеве духовное училище, семинария и академия реорганизованы в Киевскую духовную академию, в 1834 г. открыт Киевский университет. Можно говорить, что ведущие преподаватели философии в главных высших учебных заведениях Украины, каждый со своей оригинальной позицией, определяли лицо профессиональной философии этого периода. Вкратце остановимся на характеристике взглядов некоторых из них, имеющих отношение к основной теме статьи, и начнем экскурс с Харьковского университета.

В этом университете непосредственное отношение к философии Канта имели философско-моральный и физико-математический факультеты. Философские взгляды Канта, а затем и Фихте выносились на суд публики в лекциях Йогана-Баптиста Шада, Тимофея Осиповского, Александра Стойковича, Людвига-Гейнриха Якоба, Петра Любовского. Первым на Украине, а также и в пределах Российской империи, самую сущность новой немецкой философии – диалектические основания всех определяющих сфер человеческой деятельности – выразил в преподавании "живой посланец немецкой философии" Йоган-Баптист Шад[8]. После высылки из Российской империи его взгляды были развиты целой плеядой учеников: Георгием Хлапониным, Петром Ковалевским, Иваном Гриневичем, Александром Галичем, Петром Бразолем, Стефаном Есикорским, Павлом Любовским, Андреем Дудровичем, Игорем Любачинским, Николаем Павловым. Имеет смысл говорить о профессиональной "школе" сторонников Фихте и Шеллинга в Харькове в первой четверти XIX в. Не имея возможности подробно останавливаться на фигуре самого Шада, отметим весьма интересную деталь из истории его пребывания в Харькове.

Фихте, считавший Шада своим сторонником, рекомендовал вместо себя именно его для занятия кафедры в Харьковском университете. Д.И. Багалей пишет об этом в своей работе об истории университета: "Филадельф Васильевич Каразин (сын основателя Харьков-

ского университета. – *Н.К.*) рассказывает, что у него сохранились письма-ответы к Василию Назаровичу Каразину от Фихте, Гильдербранта, Паусона, Лабанда и других известнейших европейских личностей, откликнувшихся достаточно одобрительно на их приглашение в Харьков"[9]. Шад был приглашен лично попечителем Харьковского учебного округа графом Северином Потоцким, во время пребывания последнего за границей, причем познакомил их Гёте[10]. Будучи профессором Харьковского университета с февраля 1804 г., Шад издал на латинском языке несколько учебников и философских работ. Изгнание Шада из Харькова 8 декабря 1816 г. – целая эпопея, заслуживающая отдельного разговора. Основной причиной было "свободомыслие" и очень уж сложная биография. Первое можно проиллюстрировать хотя бы такой цитатой из учебника по "Естественному праву": "По силе разума человек абсолютно свободен и сам для себя есть закон, а потому может принимать только то законодательство, которое отвечает разуму, и хотя, по собственной воле, может принять закон не совместимый с разумом, то в таком случае он теряет свое достоинство разумного существа"[11].

В 1813 г. там же, в Харькове, при университете издан первый перевод на русский язык "Яснейшего изложения, в чем состоит сущностная сила новейшей философии..." Фихте. В книге Галактионова и Никандрова отмечается по этому поводу, что Шад был единственным последователем Фихте, а значит перевод принадлежит ему[12]. Заметим, что Шад не владел русским языком, а перевод, по-видимому, принадлежит его ученику Стефану Есикорскому, поскольку в сокращенном виде имя переводчика обозначено "С.Е-ский"[13]. Также учениками Шада И. Гриневичем и П. Ковалевским в 1815 г. были защищены диссертации по кантоведческой тематике, вызвавшие бурные споры. П. Любовский издал два своих труда, в которых основное место уделил "новой философии": "Краткое руководство к опытному душесловию, исполненное П. Любовским императорского Харьковского университета философии магистром" (1815) и "Опыт логики, исполненный П. Любовским, слободско-украинской гимназии учителем" (1818). Как можно догадаться, Любовский был понижен в звании (от магистра университета до школьного учителя) и отказался от карьеры именно по причине своих философских симпатий к новому направлению в развитии европейской философии, которого отечественная бюрократия от образования в те времена весьма опасалась.

После высылки Шада кафедру философии занял опять-таки его ученик Андрей Иванович Дудрович, защитивший в 1814 г. диссертацию "О врожденном понятии философии и абсолютной ее необходимости" на латинском языке. Ректор Харьковского университета Тимофей Осиповский, ярый оппонент Канта по всем направлениям, постоянно критиковал Дудровича, а также А. Стойковича и других приверженцев "новой" философии, среди которых были и профес-

сора из русских немцев Йоган-Христиан Кронеберг, преподававший классическую филологию, и Л.Г. Якоб, преподававший политэкономию и издавший учебники по логике, прикладной психологии, моральной философии, естественному праву, эстетике, содержавшие идеи этой философии[14]. Итак, в самом начале XIX в. Харьковская школа философии показала свою "европейскость" не только в изучении новейших достижений прогрессивной философской мысли, но и в критическом осмыслении и развитии ее начал с учетом отечественного менталитета.

Одним из наиболее значимых в истории восточных славян очагом философской мысли была Киево-Могилянская, а затем ее преемница – Киевская духовная академия. Философия в этом учебном заведении преподавалась с 1644 г. При переводе статуса академии из общего учебного духовного заведения в специальное высшее духовно-учебное заведение пошли на объединение училища, семинарии и академии в единую структуру, что позволяет говорить о создании системы непрерывного, поступательного духовного образования, как это было, скажем, с гуманитарным образованием в Царскосельском лицее искусств. Результаты не заставили себя ждать. Вновь открытая 23 сентября 1819 г. академия стала достойной преемницей философских традиций Киево-Могилянской академии, впервые представив полный цикл систематического философского образования.

Философию читали по десять часов в неделю на высшей стадии образования. Согласно Устава 1814 г. **уже в семинарии** предполагалось вводить учеников в предмет "споров знатнейших философов, чтобы дать им понятие об истинном духе философии... приучить их к философским исследованиям и ознакомить с наилучшими методами таких исследований"[15]. Совершенно точно о такой системе философского обучения говорил Флоровский: "Духовные семинарии были единственным типом средних школ с серьезным развитием философского элемента"[16]. Преобразование Киевской семинарии в академию с особым акцентом на изучении "науки наук" стало одной из причин, вызвавших тенденцию устремления философского богословия к религиозной философии.

Исследования последних лет показывают, насколько еще не изучена эта тематика. Архивы Киевской духовной академии, к счастью в почти полном виде сохранившиеся в фондах Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского, представляют огромный интерес для историков философии. Научный потенциал Рукописного фонда, как и книжных коллекций духовной академии, до сих пор еще не только не использован, но даже и не описан. Титанический труд П. Лебедева, а до него И. Скворцова, Н. Петрова и других ученых-подвижников, оставивших последующим поколениям каталоги рукописей профессоров и преподавателей КДА, среди которых каталог диссертаций выпускников КДА, а также каталог

архива П.Д. Юркевича, вывезенный его братом после смерти философа из Москвы, ждут своих исследователей[17]. Даже предварительная работа с каталогом П. Лебедева дает огромный материал для историков философии. Архивы КДА содержат не описанные рукописи, имеющие прямое отношение к этическим взглядам Канта и Фихте, как известных авторов (Иннокентия Борисова, Ивана Скворцова и др.), так и ранее не известных широкому кругу профессоров и исследователей (Х. Орды, А. Белюгова, С. Серафимова и др.). В Синодальном архиве также хранится достаточно обширный материал, касающийся содержания философского преподавания в Санкт-Петербургской духовной академии, в последние годы отмечается большой интерес местных исследователей в области истории философии и к неплохо сохранившимся архивам Казанской духовной академии. Таким образом, точка в поднятом нами вопросе не будет поставлена еще долгое время, поскольку пришел черед описания и изучения, введения в научный оборот новых историко-философских источников, дающих исследователям ценные материалы для изучения влияния немецкой классической философии на отечественную культуру.

[1] См., например: *Шпет Г.* Очерк развития русской философии. Пг., 1922; *Радлов Э.* Очерк истории русской философии. Пг., 1920.

[2] Такого же мнения придерживаются и авторы коллективных монографий "Кант и философия в России" (М., 1994), "Шеллинг и философия в России XIX века" (СПб., 1999), "Философия Фихте в России" (СПб., 2000) и др.

[3] Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского университета: В 2 ч. М., 1855. Ч. 2. С. 46–47.

[4] См.: *Каменский З.А.* Кант в русской философии начала XIX века // Вестник истории мировой культуры. 1960. № 1. С. 55.

[5] См.: *Радлов Э.* Указ. соч. С. 16.

[6] См.: *Чуйко В.* Русская философия // Киркнер Фр. История философии с древнейшего до нашего времени. М., 1912.

[7] См.: *Радлов Э.* Указ. соч. С. 15.

[8] См.: *Шпет Г.* Указ. соч. С. 122.

[9] *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): В 2-х т. Харьков, 1894. Т. 1. С. 136.

[10] См.: Краткий очерк истории Харьковского университета за первые 100 лет его существования Харьков, 1906. С. 33.

[11] Цит. по: *Лавровский Н.* Эпизод из истории Харьковского университета. С. 46.

[12] *Галактионов А., Никандров П.* Указ.соч. С. 176.

[13] См.: *Чижевський Д.* Нариси з історії філософії на Україні. С. 73.

[14] См.: *Радлов Э.* Указ. соч. С. 15.

[15] Цит. по: *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. М., 1990. С. 278.

[16] Там же. С. 280.

[17] См.: *Ткачук М.* Памфил Юркевич и его рукописное наследие // Юркевич П. Из рукописного наследия. Киев, 1999; *Она же.* Киевская академическая философия XIX – начала XX ст.: Методологические проблемы исследования. Киев, 2000. Обе монографии на украинском языке.